

МЕМУАРЫ ОБ ОБУЧЕНИИ ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Большое значение для изучения истории домашнего образования и частных школ в России XVIII в. имеют источники личного характера, в частности, мемуары. Это воспоминания учителей и учеников, родителей, родственников, друзей. Большинство из них затрагивают историю столичных учебных заведений, школ Украины, домашнее образование детей в центральной России. И лишь в четырех имеются сведения об обучении дворянских детей на Урале в этот период. Среди авторов – выразитель просветительских идей, уроженец Украины Г.С. Винский, который провел на Южном Урале более двадцати лет в ссылке; уфимские дворяне Пекарские, воспоминания которых записаны с их слов родственником – П.П. Пекарским; знаменитый русский поэт Г.Р. Державин; дочь ассессора Канцелярии Главного правления заводов А.Е. Лабзина.

В трех мемуарах (Г.Р. Державина, Пекарских, Г.С. Винского) затрагивается история домашнего обучения дворянских детей и частной школы на Южном Урале. Воспоминания воспроизводят типичную картину обучения в дворянских семьях этого периода, отражают многие ценные факты, отсутствующие в других видах документов. Несмотря на единичный характер таких сведений, они позволяют почувствовать дух времени, царивший в этот период в дворянской среде, увидеть проблемы обучения дворянских детей, преломленные через индивидуальное сознание авторов, через их собственное отношение и личную оценку действительности.

«Записки» Г.Р. Державина были получены от дочери попечителя Санкт-Петербургского университета К.М. Бороздина, которой по наследству была передана подлинная рукопись. Впервые они были напечатаны в 1859 г. в «Русской беседе», а затем вышли отдельным изданием. Г.Р. Державин, родившийся в семье армейского офицера, принадлежавшего к старинному дворянскому роду, провел детские годы в губернском городе Оренбурге. Он был отдан для обучения немецкому языку сосланному на каторжную работу Иосифу Розе, «у которого дети лучших благородных людей в Оренбурге, при должностях находящихся, мужского и женского полу учились». Сам учитель был «невежда, не знал даже грамматических правил, а для того и упражнял только детей твержением наизусть вокабул и разговоров и списывание...». Державин отмечал, что его «наставник, кроме того, что нравов развращенных, жесток, наказывал своих учеников самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коих рассказывать здесь было бы отвратительно»¹. Однако, за четыре года, проведенных у Розе, будущий

поэт научился довольно порядочно немецкому языку и продолжил обучение в Казани.

Со слов Николая Николаевича и Матрены Семеновны Пекарских, представителей дворянских родов, проживавших в Уфе с середины XVIII в., были записаны воспоминания их родственником – П.П. Пекарским, русским историком, библиографом, собирателем исторических документов о просвещении в России в XVIII в. П.П. Пекарский проявлял большой интерес к прошлому, в связи с этим он и обратился к воспоминаниям своих родных, хорошо понимая всю ценность сведений, сохранившихся в памяти рядовых провинциальных дворян. Записки характеризуют образование и воспитание самих авторов, а также обучение их сыновей Петра и Семена. Воспоминания напечатаны в местном издании – в «Справочной книжке Уфимской губернии» за 1883 г. В последующие годы они не переиздавались.

Матрена Семеновна Пекарская была из рода уфимских дворян. Известно, когда и как она сама выучилась чтению, письму, арифметике – прямым сведениям о годах обучения в мемуарах нет. М.П. Пекарская подчеркивает, что «...по обыкновению, господствовавшему в тогдашних захолустьях, меня не учили грамоте на том основании, что де знание для дворянских дочерей грамоты только служило к тому, что оне легче заводили сердечные отношения с местными волокитами». Но, видимо, повзрослев, она получила неплохие основы образования, т. к. оказалась лучше подготовленной, чем ее муж, которому знания были необходимы на государственной службе: именно к жене обращался Николай Николаевич за помощью при составлении денежных отчетов.

П.П. Пекарский отмечает желание старших Пекарских видеть своих детей образованными людьми: «Отец хотел, чтобы младшие его сыновья не остались неучами, а потому намеревался взять их в Казанскую гимназию. Однако матери было жаль расставаться с детьми. Пришлось ограничиться отдачею их в ученье к одному ссыльному». В этом желании дать образование детям проявляется новое отношение к учебе со стороны родителей. Из воспоминаний неясно, почему детей не отдали в народное училище, а отвели в пансион к ссыльному, который взял на себя роль наставника дворянских детей. Видимо, здесь сыграл роль сословный фактор.

В воспоминаниях характеризуется круг «наук», изучавшихся в частном пансионе Уфы, куда отдали Петра и Семена Пекарских: «...Он не был обширен: читали псалтырь и выписывали буквы азбуки»; квалификация и личность учителя – «уфимский педагог отличался не столько своей ученостью, сколько жестокостью», а также жадностью и безнравственностью². Об этом ярче всего свидетельствуют следующие строки: «Ученик, почему-либо опоздавший в школу, подвергался жестокому наказанию, способ избежать его – украсть по дороге петуха и впустить его перед собою в класс. Учитель, делая вид, что не видит ворюшки, приказывал отнести петуха на кухню. Однажды братья Пекарские не сделали этого и были жестоко наказаны учителем, так,

что чуть не слегли»³. Жестокость педагога стала причиной того, что Матрена Семеновна упростила мужа не посылать больше в пансион детей.

Как ясно из воспоминаний, юные Пекарские продолжили образование у бывшего пленного немца, оставшегося жить в России. Пекарские дают характеристику его личности, отмечая человеколюбие педагога, описывают программу обучения, изучение основ арифметики и немецкого языка. И в глубокой старости братья Пекарские вспоминали учителя – немца с признательностью.

Воспоминания Г.С. Винского дополняют сведения об обучении дворянских детей в Уфе, приведенные в мемуарах П.П. Пекарского. Г.С. Винский происходил из мелкопоместных украинских дворян. Сначала он учился в Малороссии, затем переехал в Петербург. Поступив в инженерную школу, устроенную Бибиковым при Измайловском полку, Г.С. Винский, как представитель другой национальности, столкнулся с черствостью, грубостью и притеснениями со стороны учеников и учителей. Военная служба не принесла Г.С. Винскому удовлетворения. В 1779 г. по ложному доносу, подозреваемый в неблагодарности к правительству, Г.С. Винский был помещен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Оренбург. После завершения 25-летнего срока ссылки он был прощен, но не покинул Урал, а поселился в г. Бузулуке, где прожил 10-летний остаток жизни с 1808 по 1818 годы. За неимением средств во время ссылки Г.С. Винский был вынужден искать заработка в качестве учителя.

К написанию мемуаров Г.С. Винский приступил в 1813 г. в Бузулуке, отнюдь не ради славы или из желания написать произведение для широкой читательской публики, а лишь для себя и своих родных: «...Я хочу писать мою жизнь и какие мне памятны важнейшие случившиеся в течение оной происшествия...Я намереваюсь писать о себе, для себя, для своих...». Свою рукопись автор довел до XIX в., назвав ее «Записками». В печати воспоминания Г.С. Винского появились в 1877 г. в выпуске «Русского архива», в 1914 г. они были изданы отдельной книгой.

В записках Г.С. Винский описывает свое домашнее учительствование в период ссылки в семьях чиновников и офицеров в Оренбургской и Уфимской губерниях в 1780–1790-е гг. В дом майора Рыбкина в Оренбурге он был взят по рекомендации самого губернатора князя Хвабулова. С открытием Уфимского наместничества и новой Уфимской губернии появились более широкие возможности образованным людям применить свои знания. В 1783 г. Г.С. Винский по неизвестным причинам переехал из Оренбурга в Уфу, где стал давать уроки детям надворного советника Н.М. Булгакова – Анне и Александру. Затем Винский обучал детей в семьях уфимского судьи С.Я. Левашова и прокурора Уфимского наместничества В.П. Рычкова. Своему преподаванию в Уфе автор уделяет больше внимания.

Г.С. Винский отмечает, что его учениками были как мальчики, так и девочки. Он пишет, что в Оренбурге обучал дочь майора Рыбкина французскому языку. Это свидетельствует о возросшем интересе к женскому образова-

нию в семьях местных офицеров, о том, что мода на французский язык получает распространение в уральской провинции. Винский сообщает, что сам оренбургский губернатор князь Хвабулов в 1780-е гг. нанял для обучения своих детей француза старика Ганио, но «воспитание и обучение детей было чуждым для него делом... Был для детей заботливой нянюшкой, а для князя забавником»⁴. Для губернатора, – пишет Винский, – главным было то, что Ганио – француз, к мнению которого он прислушивался. Таким образом, и на Южном Урале, вдали от столиц, распространялась галломания – преклонение перед всем французским, явление, которое высмеивал в своих журналах Н.И. Новиков.

Переехав в Уфу, Винский стал преподавать в семье надворного советника Н.М. Булгакова. До него детей Булгакова, Анну и Александра, обучал француз, и Винский радовался, что тот не успел причинить своим ученикам сколько-нибудь существенного вреда. Г.С. Винский так формулирует свои педагогические взгляды: «Я, поступая искренно, не только никогда не внушал ничего детям порочного, но старался всевозможно поселить в них честолюбие, бескорыстие и другие нужнейшие для русских добродетели».

Г.С. Винский приводит данные о получаемой им за преподавание плате, перечисляет предметы, которые он вел в семье Н.М. Булгакова, характеризует способности учеников, говорит о своем отношении к занятиям: «Договор поставлен был для двух детей: учить французскому языку, географии, истории, арифметике, за то получать в год деньгами 300 р. и все содержание с услугою и выездом для жены и меня». Примечательно, что Г.С. Винский обучал детей сразу же нескольким предметам повышенного уровня (отнюдь не грамоте). Именно он, ссыльнопоселенец, оказался годным для этого. Видимо других, более достойных кандидатур не нашлось. Это факт отражает недостаток подготовленных учителей, вынужденное использование ссыльных для домашнего обучения детей в дворянских семьях даже в городах – центрах губернии.

Г.С. Винский подробно описывает свое отношения к преподаванию, показывает, как оно заинтересовывает его, заставляет совершенствовать свои знания. Вызывает интерес его способ «домашнего учения» французскому языку. Поначалу учитель старательно следовал методу «иностранцев и наших педантов» – зубрежке: «Выписав грамматику, разговоры, лексиконы и распорядив по ним уроки – невеликая трудность, а только скука...». Но потом пришел к выводу, что «...есть средство самое верное и ученику полезное – в учении его языку чрез чтение с переводом и истолкованием слога того языка и разности нашего...». Освоив таким методом только четверть тома, ученик «столько уже знал язык и его состав, что ему можно было поручить тотчас переводы самых трудных авторов»⁵. Такое обучение увлекло Г.С. Винского настолько, что он охотно жертвовал своими собственными «часами и занятиями». Он понимал, что обучая чужих детей, расширяет и свои знания: оба языка, русский и французский, изучил «всесовершенно».

В мемуарах содержится информация об отношениях между учениками и домашними учителями. Г.С. Винский пишет, что дети в семье Булгакова были «избалованными барчатами» и не желали слушаться учителя. Г.С. Винский относился к ним с добротой и пониманием, был противником телесных наказаний, которые часто применяли родители. Вскоре дети стали уважать своего наставника.

В семье надворного советника, судьи Уфимского суда С.Я. Левашова у Винского был целый «пансион»: четверо детей судьи (Елизавета, Наталья, Николай и Алексей), а также племянник хозяина – сын его сестры Марии Яковлевны. Винский настолько привязался к своим воспитанникам, что старался забыть прежние свои обиды: «Переселение к Левашовым было некоторым образом для меня произвольное; обиженный им в первое приглашение, я не хотел было с ним вовсе дела иметь; но увидевши детей, обласканный ими, я забыл все и четыре года прожил в сем доме, перенося многие неприятности».

Г.С. Винский не без гордости пишет об успехах своих учеников. Так, например, дочь С.Я. Левашова, 15-летняя Наталья, спустя два года занятий с Винским «...понимала столько французский язык, что труднейших авторов, каковы Гельвеций, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила без словаря; писала письмо со всею исправностью правописания; историю древнюю и новую, географию и мифологию знала также достаточно». Эти данные представляют большую ценность для нас, т. к. свидетельствуют о широком распространении трудов французских просветителей в некоторых дворянских семьях провинции. Своим ученикам Винский воздал должное «...довольно изрядно учились...». Подводя итог, Г.С. Винский писал, что «ежели не выпустил своих учеников виртуозами в науках, зато сам столько успел...»⁶.

Таким образом, в мемуарах мы находим целый ряд интересных сведений, отражающих обучение дворянских детей на Южном Урале во второй половине XVIII в., неизвестных ни по каким другим источникам: о личностях учителей, программах обучения детей, об интересе к французскому языку, в том числе к трудам просветителей. Мемуары дают представление о социальном облике учителей, которые нередко попадали на Южный Урал в качестве ссыльных. Это объяснялось нехваткой подготовленных педагогов на Урале во второй половине XVIII в.

Примечания:

¹ Державин Г.Р. Записки. М., 2000. С. 10.

² Пекарский П.П. Известие об уфимских дворянах Пекарских // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С.305–320.

³ Там же. С. 312.

⁴ Записки Григория Степановича Винского // Русский архив. 1877. № 1. С. 76–123.

⁵ Там же. № 2. С. 150–197.

⁶ Там же. С. 180–195.